

ПОЭТИКА РАЗРЫВНОГО ПИСЬМА ЭМИЛЯ ЧЁРАНА

Гранин Роман Сергеевич, кандидат философских наук, независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия, grrom@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу творчества румынско-французского мыслителя сквозь призму одной из центральных для его творчества категорий – разрыва. Исследование базируется на классификации семи ключевых разрывов, предложенной Лорали Шатле, и рассматривает их как онтологический и структурный фундамент поэтики Чёрана. В работе последовательно исследуются разрыв с бытием и собственным «я», радикальный разрыв со временем, практика негации и сомнения, формирование «не-знания» как особой формы экзистенциального познания, а также фрагментация дискурса как прямое следствие внутренней расколотости сознания. Демонстрируется, что фрагментарная форма письма Чёрана – афоризм, обрывок мысли – не является просто стилистическим выбором, но представляет собой единственно адекватное выражение его философской позиции «частного мыслителя» (нем. *Pravatdenker*). Парадокс, ирония и работа с интертекстуальностью анализируются как инструменты, позволяющие удерживаться на грани молчания, превращая письмо в форму экзистенциального выживания. В заключении делается вывод о том, что поэтика разрывов у Чёрана – это целостная система, в которой форма и содержание неразделимы, а отказ от целостности становится условием возможности мысли в ситуации тотального кризиса смысла. Отличительной чертой фрагментарности Чёрана, таким образом, является целостность.

Ключевые слова: деконструкция автора, генезис текста, декомпозиция стиля, фрагментация дискурса, интертекстуальность, полифоничность.

Для цитирования: Гранин Р.С. Поэтика разрывного письма Эмиля Чёрана // Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 1. С. 117–126. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-1-117-126>

Research Article

THE POETICS OF RUPTURES IN WRITINGS BY EMIL CIORAN

Roman S. Granin, PhD in Philosophy, independent researcher, St. Petersburg, Russia, rrrom@mail.ru

Abstract. This article is devoted to a comprehensive analysis of the work of the Romanian-French thinker through the prism of one of his central categories, a rupture. The study is based on the classification of seven key ruptures proposed by Lauralie Chatelet and examines them as the ontological and structural foundation of Cioran's poetics. The work consistently explores the rupture with being and the self, the radical break with time, the practice of negation and doubt, the formation of “non-knowledge” as a special form of existential cognition, and the fragmentation of discourse as a direct consequence of the internal division of consciousness. It is demonstrated that Cioran's fragmentary writing – the aphorism, the fragment of thought – is not simply a stylistic choice, but the only adequate expression of his philosophical position as a “private thinker” (German: *Pravatdenker*). Paradox, irony, and intertextuality are analysed as tools that enable him to remain on the brink of silence, transforming writing into a form of existential survival. The article concludes that Cioran's poetics of ruptures is a holistic system in which form and content are inseparable. Moreover, rejection of integrity becomes the condition for the possibility of thought in a situation of a total crisis of meaning, with integrity as a distinctive feature of Cioran's fragmentation.

Keywords: author deconstruction, textual genesis, style decomposition, discourse fragmentation, intertextuality, polyphony.

For citation: Granin R.S. The poetics of ruptures in writings by Emil Cioran. Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 1, pp. 117–126. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-1-117-126>

Введение. Эмиль Чёран¹ (Emil Cioran, 1911–1995) – один из наиболее радикальных мыслителей XX в., чьё письмо находится на границе философии, поэзии и исповеди. Его творчество, зародившееся в румынском культурном контексте 1930-х гг. и достигшее зрелости во французском изгнании, представляет собой уникальный опыт мышления, построенного на фрагментации дискурса, декомпозиции, разрывности. Разрыв с бытием, временем, языком, культурой, родиной и самим собой – не просто мотивы его письма, но основа его поэтики, её онтологический и риторический нерв.

Ряд исследователей говорят о трещинах и разрывах в метафизике и языке Эмиля Чёрана, которые имеют онтологический и экзистенциальный характер. Так, например, Николя Кавайес (фр. Nicolas Cavallès) в своей докторской диссертации «Самоубийство, распад, разложение: генезис и диалогизм “О разложении основ” Чёрана» пишет о «трещине в представлении», «трещине в существовании», «трещине в личности», «трещине в творении» [Cavallès: 111–114]. Лорали Шатле (фр. Lauralie Chatelet) в своей докторской диссертации «Чёран, частный мыслитель, вынужденный писать» говорит о «природе разрывов, на которых построено мышление Чёрана», это: «разрыв со временем» [Chatelet: 9], «отрицание» [Chatelet: 12], «незнание» [Chatelet: 15], «разбитая мысль» [Chatelet: 17], «письмо в рамках интертекстуальности» [Chatelet: 22], «лиризм и тишина» [Chatelet: 23], «от личного к стильному: путешествие частного мыслителя» [Chatelet: 26].

Проблема разрыва у Чёрана затрагивает не только философский, но и эстетический уровень. Фрагментарная форма, присущая его письму, выступает одновременно и следствием, и выражением внутреннего дробления субъекта. Парадоксальным образом отказ от целостности становится условием выживания мысли, а фрагмент – единственной возможной формой речи в эпоху, потерявшую доверие к смыслу. Так Чёран превращает недостаток – немоту, бессилие, незнание – в поэтический принцип, который можно определить как поэтику разрывов. Современная рецепция Чёрана (Ф. Сюзини-Анастопулос, П. Гарриг, А. Демарс, А. Парюи, Л. Шатле Н. Кавайес и др.) рассматривает его тексты не столько в философском, сколько в поэтическом измерении – как лабораторию языка, где опыт негативности и страдания становится формообразующим.

Негативный аспект философии Чёрана стал предметом многих исследований, стремящихся определить ее ключевые характеристики. Среди прочих отметим следующие: «философия уникальных моментов» [Guth], «между Йовом и катарсисом» [Roupin], «ирония как стратегия отказа» [Modreanu], «герменевтика отчаяния» [Bădărașu],

«метафизика конечности и интертекстуальности» [Grigoriu], «онтология негативности» [Bădăliță], «ликующий пессимизм» [Demars], «жизнерадостное отчаяние» [Nascen]. Последний, опираясь на труды Клемана Россэ [Rosset], видит в Чёране трагического мыслителя, чьи фрагменты свидетельствуют о превращении отчаяния в иронию и смех – смех истребляющий, рожденный сознанием, разрушенным размышлениями о пустоте, самоубийстве и небытии.

В настоящей статье мы попытались расширить и систематизировать набор основных для поэтики Чёрана трещин и разрывов и проинтерпретировать их как стилиобразующий фактор его творчества.

1. Разрыв с бытием. Разрыв с бытием и с существованием собственного «я» Чёрана – это разрыв с тем, кто движется во времени и участвует в жизни. Страдая от самого факта длительности, Чёран начинает яростную подрывную работу, которая приводит его сначала к бунту против мира, а затем – к обрушению на самого себя в акте жестокой самонегации. Перед лицом этого невыносимого напряжения личность обращается к письму как к выходу. Ранние румынские сочинения Чёрана, которые мы назвали «румынским пятикнижием»² – это лирические потоки, где «я» обрушивается на мир, а затем, шаг за шагом, оборачивается против самого себя. В конце этого переворота остаётся только молчание – перед лицом откровений, обнажающих испорченность разума и невозможность знания. Письмо, казалось бы, достигло завершения и погружается в истощение. И всё же именно в рассыпании мысли, которое из этого проистекает, зарождается более личное письмо – основанное на интимности и молчании, осязаемое скорее в том, что оно оставляет после себя, чем в том, что в нём сказано напрямую [Chatelet: 12].

2. Разрыв со временем. Отношение ко времени – ключевой элемент как литературы, так и философии XX в., и для Чёрана эта проблема оказывается центральной. Если для Пруста время было утраченным и обретаемым в памяти, а для Беккета (друга Чёрана) – тягучим и абсурдным ожиданием, то для Чёрана время – это «пыль мгновений», рассыпавшаяся длительность, не дающая ни опоры, ни перспективы³. Он страдает не от бегущего времени, а от его остановки, от невозможности войти в длительность, от ощущения себя «усечённым человеком», «человеком фрагмента». Этот мучительный опыт изгнания из времени порождает глубинную меланхолию. Следуя Бодлеру с его поэтикой бездны и Паскалю, видевшему в человеческой активности бегство от мыслей о смертной природе, Чёран делает меланхолию откровением онтологического отсутствия. Меланхолический голос – это голос отсутствия, нехватки, которую нельзя восполнить, траур по недостижимому абсолюту и по «я», безнадежно неудовлетворенно-

му. В XX в., отмеченном ужасами мировых войн, вера в прогресс истории рушится, и Чёран атакует это коллективное восприятие в книгах «История и утопия» (1960) [Сиоран 2003a] и «Падение во время» (1964) [Сиоран 2003b], разоблачая «отвратительную Клио» как завесу, скрывающую падение человека. На уровне индивида требуется переосмыслить весь опыт длительности. Линейность христианского времени под ударами Маркса, Шопенгауэра и Ницше разрушается, и существование предстает как мгновение между двумя ничтожностями, разрыв между разрывами.

Чёран как наследник Бодлера (поэтика бездны, негативность опыта), одновременно вне западной историко-религиозной традиции, но и не в восточной. В этом разрыве – источник меланхолической речи, близкой к эстетике декаданса, но без его украшательства. Короткие жанры (фрагмент, афоризм) позволяют радикальнее переживать разрыв во времени – в отличие от «тканевых» жанров (роман, драма), выстроенных на длительности. Для Чёрана афоризм – способ удержаться в непрерывной прерывистости и прерывании.

У Чёрана меланхолия – это результат осознания того, что он не находится во времени. Он не страдает от бегущего времени – потому что для него оно не течёт. Меланхолический голос – это голос отсутствия, голос нехватки, которую нельзя восполнить. Письмо становится носителем множественного траура: траура по недостижимому абсолюту, траура по невыразимому посланию, траура по «я», безнадежно неудовлетворённому.

3. Негация. Хотя Чёран определял себя скорее через сомнение, а не через отрицание, тем не менее резкость его высказываний и важность, которую он придавал физиологическому, не позволяют полностью отвергнуть интерпретацию, согласно которой негация является центральным элементом его практики: «Отрицание выводится не из рассуждения, а из чего-то темного и древнего, чего никто не знает. Аргументация приходит потом, чтобы оправдать и подкрепить отрицание. Всякое нет зиждется на крови» [Сиоран 2008b: 178]. Или: «...я обладаю лишь предрасположенностью к отрицанию, не обладая его благодатью» [Сиоран 2008a: 51]. Его отрицание, заражённое сомнением, многолико. Он тяготеет не к рациональному скептицизму, а к самому инструменту сомнения, к его хаотичному и необузданному действию: «Ничто не утоляет мою жажду сомнений: вот бы занять посох Моисея, от прикосновения которого они изливались бы даже из скалы» [Сиоран 2008a: 44]. Сомнение и отрицание объединяет общее стремление к разрушению, их попеременная игра питает письмо, хотя каждый из этих полюсов разъедает текст изнутри, ведя к истощению. Постоянно

воспроизводя отрицание и доводя его до самоотрицания, Чёран делает парадокс печатью своей практики. Присутствие парадокса толкает его к иронии, ибо сосуществование противоположностей обнажает ограниченность человеческого бытия. Его смех – это смех Демокрита, который смеялся там, где Гераклит плакал. Однако в этом смехе нет ничего радостного; он рождается из неспособности принять существование и граничит с самоиронией. «Ирония сама по себе является исповедью или маской, которую использует жалость к себе» [Чёран 2025c, 1: 100], – писал он. Перед лицом абсурдного мира и «я», отмеченного падением, иронизирующий выражает через отрицание некую распавшуюся, фрагментарную истину, которую он не стремится восстановить. В современной «анти-трагедии», в отличие от классической, сталкиваются не полноты (страсти, ценности), а пустоты (отсутствия, не-смыслы). Эта утрата смысла ведёт к негативному, отсутствию, пустоте. Негация у Чёрана обращается против самой себя, превращаясь в парадоксальную фигуру: писать против письма, мыслить против мышления. Это приводит к стилистической неустойчивости и отказу от системной философии. Это не просто скептицизм, а интеллектуальное саморазрушение, приближающееся к самонегации.

Сомнение и отрицание (негацию) объединяет одно общее стремление – к разрушению, поддерживаемое попеременной игрой между этими двумя полюсами, что особенно видно во фрагментарной прозе Чёрана. В конечном итоге сомнение оказывается лицевой стороной той монеты, обратной стороной которой является отрицание. Их постоянное колебание вновь и вновь запускает процесс письма, хотя каждый из этих полюсов разъедает текст изнутри, и мысль всё больше тяготеет к истощению [Chatelet: 13].

4. Незнание. Философское понятие незнания (фр. *non-savoir*) у Чёрана – как особой формы знания, противопоставленной академическому, рациональному, систематическому знанию. Это не знание в привычном смысле, а экзистенциальное, интуитивное, телесно пережитое знание, рождающееся в страдании, бессоннице, меланхолии и кризисе смысла. Оно близко к духовному опыту, но без надежды и без спасения – трагическое знание, чреватое провалом и молчанием. Молчание сквозь слова, отказ от спасения, ирония как последняя защита.

Незнание – это форма сопротивления знанию, отсюда – связь с «ночным знанием»: озарение, возникающее во тьме и бессоннице, на грани психофизического изнеможения. Это – подлинное знание, связанное с болезненными экзистенциальными переживаниями, такими как тоска, скука, бессилие, страх перед бытием. Опыт боли – источник откровения.

Этот аспект философии Чёрана исследователи определяют как «ликующий пессимизм» [Demars] или «жизнерадостное [веселое] отчаяние» [Hacsen], видя в нём превращение отчаяния в иронию и разрушительный смех, рождённый сознанием, разрушенным размышлениями о пустоте. Чёран остро осознаёт невозможность нейтральности в человеке. Его сомнение не имеет ничего общего с методическим сомнением философов, ведущим к новым истинам. Его колебание не ведёт к стабильности; это отказ от выбора, парадоксальным образом становящийся выбором: остаться в «неуют» сомнения вместо того, чтобы поверить в иллюзию истины. Это незнание рождается из экзистенциальной боли, из трагической ясности восприятия человеческой природы. В отличие от отстранённого академического знания, незнание Чёрана коренится в телесности – в боли и болезни, а значит, оно непередаваемо и утверждает состояние непреодолимого одиночества.

Тем не менее в этом разрушении старых верований и раскрытии экзистенциального хаоса есть некая мрачная радость, «этическое наслаждение» избрания самого тяжёлого пути, пути одиночества и боли⁴. Передать это незнание – почти невозможная задача, ведь она требует высказать невыразимое. Таким образом, письмо становится формой фиксации экзистенциального провала. Чёран предпочитает «полуфилософов», частных мыслителей (Паскаль, Монтень, Марк Аврелий, Жубер), в которых находит скромность, сомнение и субъективность. Как пишет Сюзини-Анастопулос: «Субъективизация мышления порождает такой тип знания, который мы можем назвать конфиденциальным» [Susini-Anastopoulos: 241]. Презрение к объективности ведёт к отказу от академического знания, и таким образом незнание всегда субъективно и несёт в себе знак интимного.

5. Фрагментация дискурса. Мысль Чёрана отмечена откровениями парадоксального знания, проходящего через страдание и бессонницу, и это касается не только тематики, но и самой формы письма. Исследователи [Garrigues; Susini-Anastopoulos] подчёркивали связь Чёрана с краткой формой. Для него письмо – терапия, «отсроченное самоубийство» [Сиоран 2008b: 253], но со временем оно превращается в область строгой стилистической работы: свои ранние румынские тексты он почти не правил, тогда как французские переписывает многократно⁵. Экзистенциальное ощущение отрицания, сначала направленное на мир, затем обращается внутрь и превращается в трещину субъекта. Отсюда – фрагментация и «обеднение» письма как сознательный философский жест, стремящийся выразить распад.

Для Чёрана фрагмент – часть общей тенденции литературы к незавершённости («Необходимость завершенности в классическом смысле сегодня

представляется анахронизмом, а фрагмент вошёл в обиход» [Susini-Anastopoulos: 4]). Максимально законченная форма классической максимы уступает место открытым структурам. Он отождествляет фрагмент и афоризм, говоря: «Я родился во фрагменте... Я жертва собственных идей» [Ciogan 1995: 77]. В «Дневниках» он добавляет: «Я люблю предлагать результаты, а не процессы. Я производитель остатков. Осадок мысли, скорее муть. Молитва – это остаток отчаяния» [Ciogan 1997: 723]. Чёран соединяет фрагментарность с идеей отхода (*déchet, résidu*), подчёркивая парадокс авторского жеста: давать «остаток» – как форму насилия, вызова: «Афоризм бросают, как пощёчину» [Ciogan 1995: 79].

Писать фрагменты – значит писать о невозможности писать: «Моя страсть к сокращениям мешает мне писать, потому что писать – значит расширять» [Чёран 2025с, 1: 277]. Это перекликается с кризисом «произведения» в XX в. Как пишет Сюзини-Анастопулос, фрагмент «предстает как незавершённое, остаток, упавшее стремление, нарушающее ряд эстетических привычек. <...> Ничтожный, потому что лишь “обломок”, он – воплощение не-произведения⁶ *par excellence*» [Susini-Anastopoulos: 51]. Чёран принимает это: «Я не буду писать ничего, кроме фрагментов; моя мысль, уже разбитая, я раздроблю её». Как подчёркивает Пьер Гарриг, это и есть поэтика фрагмента: «Поиск совпадения между медлительностью письма и стремительностью жизни» [Garrigues: 409]. Фрагментарное письмо – это язык, в котором важны пустоты и молчания, порождённые знанием-отсутствием. По выражению Гаррига: «Письмо-фрагмент – это насилие над собой, чтобы найти... тишину, крик, чудесный сплав языка и того, чего он никогда не достигает – вечно остаточного» [Garrigues: 19]. У Чёрана язык колеблется между тишиной и криком, где формируется язык предела, то, что Чёран называет «слизью мысли» (фр. *lie de la pensée*).

Как заявляет Сюзини-Анастопулос: «Фрагментарная провокация не обходится без чувства вины со стороны авторов, и дань за неё крайне высока. <...> Никто, как автор фрагментов, не ощущает свою уязвимость, недостижимость модели, тщетность замысла» [Susini-Anastopoulos: 59]. У фрагменталиста нет целостности, на которую он мог бы опереться. В случае Чёрана он даже утверждает это как принцип. Маргинальность у Чёрана не стратегия, а исходная установка – быть вне систем. Речь идёт не столько об отказе от философии, сколько от систем мысли. Об этом он говорит в беседе с Фернандо Саватером: «Философия возможна теперь только в форме фрагмента. В форме взрыва. Уже невозможно писать по главам, как трактат» [Ciogan 1995: 22].

Фрагмент – новая форма мысли, прерывистая, субъективная, лишённая порядка. Он выражает ин-

тимную логику, навязывает тексту свой ритм, создаёт не-произведение, подобное самому автору. Чёран отвергает не только крупную форму романа, но и поэзию, от которой отказывается из-за «внутреннего истощения, ослабления способности к эмоции» [Ciohan 1995: 231]. Отказ от поэзии у Чёрана – важный симптом «разрядки» чувств как онтологического события, а фрагмент – единственная возможная форма, способная выразить истощение языка и разума.

6. Интертекстуальность. Несмотря на свою позу одинокого писателя, изолированного от всех, Чёран действует внутри обширной паутины интертекстуальных связей. Через фрагмент, меланхолию, конфликтное отношение ко времени он пересобирает разнородную семью авторов – без оглядки на жанры или эпохи. Хотя он выражает предпочтение к незаметным писателям, тем, кто оставил мало письменных следов или вовсе не публиковался при жизни (например, Марк Аврелий, Паскаль, Жубер, мадам Дю Деффан), он также черпает вдохновение у романистов (Достоевский, Пруст), драматургов (Шекспир) и поэтов (Дикинсон, Китс).

Более важным, чем принадлежность к тому или иному литературному жанру, для Чёрана является их взгляд на существование. Это сообщество разочарованных, меланхолических и изъязвлённых мучительным сознанием неуютности бытия рождается под пером Чёрана, который сплетает между ними сеть – посредством цитат, отсылок к их текстам, жестах, биографиях. Чёран использует цитирование не как риторическое украшение, а как форму интуитивной философской связи между «родственными душами», вне жанровых или эпохальных ограничений.

И если он готов разделить свою уединённость с исчезнувшими писателями и маргинальными одиночками, то к своим современникам он относится весьма двусмысленно. Некоторые из его друзей (Беккет, Нойка, Габриэль Марсель) вызывают у него симпатию, но большинство писателей – не говоря уже о философах – из парижской интеллектуальной среды подвергаются острой критике. Противопоставление здесь служит не только полемической цели, но и выстраивает негативный образ идеального писателя через исключения.

Чёран даёт апофатический образ идеального мыслителя, к которому стремится сам, – это «мыслитель в уединении» – затворник, размышляющий о пределах человеческого существования. Характерной чертой позиции такого мыслителя становится чтение – важнейшее занятие в жизни Чёрана. Многие фрагменты из его дневников начинаются с упоминаний чтения: «я прочитал...», «тот-то пишет, что...», «я читаю книгу о...», «в книге такого-то...» и так далее. И, если письмо истощается, оно подпитывается взаимодействием с другими писателями. Когда

же письмо становится невозможным, чтение выступает как последнее прибежище. Чтение – не только интеллектуальное занятие, но и экзистенциальный жест бегства: «Я читаю, читаю. Чтение – это мой побег, моя ежедневная трусость, оправдание моей неспособности работать, оправдание всему, завеса, прикрывающая мои неудачи и невозможности» [Чёран 2025с: 1, 330]. Однако он предчувствует, что это будет продолжаться не вечно: «Чем дальше я продвигаюсь, тем больше становится нечитаемых книг. Настанет день, когда я не смогу ничего читать, когда мне останется только наблюдать» [Чёран 2025с: 235].

Чёран отказывается от любой профессиональной деятельности, стремится оставаться маргинальным писателем – не принимает заказов, публикуется редко. И в этом контексте чтение поддерживает связь и с письмом, и с миром, служа занятием, отвлекающим от пустоты. Между чтением, фрагментарным письмом и субъективной мыслью идеальный мыслитель Чёрана выстраивает свою практику в частной сфере, в стороне от академизма и проповедничества. Чтение в этом контексте – и время, и пространство удовольствия, Чёран называет его «величайшим пассивным удовольствием» [Чёран 2025d, 2: 381], а также формой открытости миру: «Всё же я экстраверт, ведь сам факт чтения это доказывает! Я интересуюсь судьбой других» [Ciohan 1995: 55]. Признание себя «экстравертом» – парадоксально: речь идёт не о социальности, а об открытости чужой боли, другим формам страдания и сознания. Чтение – это форма связи с другими, но избирательная и уединённая. Диалог с читателем и с сообществом писателей подпитывает мысль и позволяет сохранить дистанцию от истощения, которое ему грозит. Эти процессы обеспечивают динамику мысли Чёрана – мысли, ведущей непрерывное размышление о скандале существования.

7. Лиризм и молчание. Долгие размышления Чёрана о жизни приводят его к крайностям языка. Он начинает писать в двадцать лет, страдая от сильных приступов бессонницы. Писательство становится для него способом не поддаться соблазну самоубийства, поскольку внутреннее напряжение достигает предела. Литературное выражение страдающего существа, находящегося в контакте с неудовлетворительным миром, составляет суть его текстов. Уже присутствует фрагментарность высказываний, но манера более экспансивна (взрывна и гремуча), чем во французских фрагментах, отмеченных истощением и сдержанностью. Хотя речь уже стремится отрицать «я», воспринимаемое как социальная развращённая (коррупцированная) конструкция, бунт и позиция ещё имеют ценность, и Чёран пока не принял свою политику отказа от любой конверсии⁷. Он всё ещё пытается убедить читателя в румынских текстах и заботится о коллективе. Его про-

изведения пронизаны сильным лиризмом, где голос поэта переплетается с голосом пророка.

Со временем первоначальный лиризм порождает отрицательный вихрь, который обращается против самого себя, разлагается. Язык становится своим критиком, а письмо – местом спора между «я», «собой» и «существованием», где голоса противоречат и атакуют друг друга. Этот переход ярко отмечен его первой французской книгой «О разложении основ» (1949), где лирика сталкивается с антагонистом – чувством истощения и отказом, ведущим к молчанию (особенно в первых двух главах – «Генеалогия фанатизма» и «Антипророк»). Усталость из метафизической становится физиологической, дистанционирующей. Неспособность выплеснуть естественный лиризм ведёт к отказу от слова и, следовательно, к молчанию. Однако отношение Чёрана к молчанию сложно: он признаёт, что в молчании таятся гораздо более страшные опасности, чем в ловушках слова. Крик становится выражением апорий и молчания, и языка, непрерывного колебания между ними. Отказавшись от нейтральной речи философа, Чёран создаёт новую, более литературную идентичность, питающуюся разложением ненавистного «я». В этой масштабной работе по отрицанию себя и воссозданию литературного «я» фрагмент предлагает заманчивую перспективу, позволяя совмещать умерщвление языка с его сохранением в страдающей, ослабленной форме, теперь адекватно отражающей бытие. Важно различие между печалью и меланхолией: печаль, сосредоточенная на себе, не способствует развитию идеи, тогда как меланхолия, измеряющая дистанцию между «я» и миром, обеспечивает «некую поэзию мира» и может стать практической философией, «победой вертикального времени над горизонтальным» [Ribon: 59].

8. Стиль и инсценировка отказа от него (в качестве заключения). Путь Чёрана в письме – это история экзистенциального поиска истины о себе, о мире и об Абсолюте. Поскольку термин «экзистенциальный» часто используется для описания чёрановской мысли, следует очертить его границы. Хотя он прекрасно знает философов экзистенциализма – от Кьеркегора до Шестова, он всё же отходит от них, скорее по причине отказа от философии и всякого системного мышления, чем из-за неинтереса к самой их мысли.

Его мышление, отмеченное темой Падения и деградации человека, с трудом отрывается от представления о существовании как о катастрофе – сколь бы притягательной она ни была. Это приводит его к признанию, что только те, кто пережил трагедию бытия, вызывают у него восхищение: «Меня интересуют все, кто идет навстречу катастрофе, а также те, кто сумел оказаться по ту сторону катастрофы. Моё величайшее восхищение вызывает тот, кто оказался на грани краха» [Cioran 1995: 24].

Фасцинация Чёрана этим состоянием колебания освещает его представление о существовании и, следовательно, природу его мысли. Экзистенциальной становится та постоянная кризисная ситуация, в которой он живёт, трагическое чувство существования, воспринимаемого как вечное оскорбление бытию, как путь к известному трагическому концу, избежать которого невозможно.

Такая мысль заражает всё его творчество, ибо всё, что от неё уклоняется, представляется изменой сущностному. Письмо – не просто иллюстрация Падения или отказа бороться с Бездной, в Падении – компромисс и вовлечённость в существование.

В продолжение размышлений о поэтике фрагмента, начатых М. Трабельси и П. Гарригом, чёрановская мысль предлагает погружение в творчество, где сплетение формы и содержания создаёт новый тип отношения к выражению. Фрагмент у Чёрана несёт в себе след неразрывной связи между мышлением и стилем: стиль восполняет пределы мысли, неспособной передать разрыв и апории существования. Через письмо Чёран выражает свой интимный опыт и экзистенциальную мысль. Однако письмо – это провал, оно и не могло быть иным, поскольку провал присущ самому существованию. Как человек, продолжающий движение в своём падении, письмо движется к своей гибели, не исчезая окончательно.

Какую роль тогда играет стиль и инсценировка отказа от него? Истощение письма получает экзистенциальный смысл – но можно ли преодолеть это состояние? Не завершает ли оно саму основную вибрацию бытия? Изучение творчества Чёрана ставит методологическую проблему: как к нему подступиться? Его мышление глубоко парадоксально и противоречиво. Сам он считает, что писать диссертацию – это пустая трата времени, а университетская мысль – это «опасность, смерть духа» [Cioran 1995: 40]. Легитимировать исследование о мышлении автора, стремившегося заблокировать любые ключи к своему прочтению и утверждавшего, что быть понятым – значит деградировать как мыслитель, – задача не из лёгких.

Мы стремимся показать литературную конструкцию его личной мысли и её динамику. Движение – сущностно важно для творчества Чёрана: он, очарованный смертью, но удерживающий её на расстоянии игрой письма, пишет фрагменты, которые являются частью опасной игры с существованием, где застой означает смерть духа. Мы исследуем различные движения письма и мысли, их судорожный танец между жестким разрывом и тонким возобновлением. Изучая, как Чёран «даёт себя прочесть», мы надеемся, пишет Лорали Шатле, прояснить новые грани его практики – в особенности то, как он вписывается в специфический литературный этос частного мыслителя.

Его резкие высказывания о том или ином произведении показывают, насколько они подвержены постоянной переоценке – как в стиле, так и в философском содержании.

Примечания

¹ Мы пишем фамилию Cioran как Чёран, через безударную «ё», чтобы подчеркнуть ее славянскую этимологию – происхождение от прилагательного «чёрный», этой точки зрения придерживается специалист по румынской генеалогии Михай Рэдулеску [Rădulescu: 129–134]. Буква «ё» в безударной позиции вполне допустима в ряде случаев. Например, фамилии его земляков с Балкан – сербо-венгерского поэта Шандора Пётёфи (венг. Petőfi Sándor [ˈpetɒːfi ˈʃaːndor]; 1823–1849) и венгерского математика Пала Эрдёша (венг. Pál Erdős; 1913–1996) – передаются через безударную «ё», как и фамилия японского императора Ёсихито [Гранин 2025: 27–35].

² «Румынским пятикнижием» мы назвали (по аналогии с великим пятикнижием Достоевского – любимым автором Чёрана) первые пять книг Чёрана, опубликованных им в Румынии:

(1) «На вершинах отчаяния» (Pe culmile disperării, Bucureşti, 1934) [Cioran 1934a];

(2) «Книга иллюзий [приманок]» (Cartea amăgirilor, Bucureşti, 1936) [Cioran 1936a];

(3) «Преображение Румынии» (Schimbarea la faţă a României, Bucureşti, 1936) [Cioran 1936b];

(4) «Слезы и святые» (Lacrimi și sfinți, București, 1937) [Cioran 1937];

(5) «Сумерки мыслей» (Amurgul gândurilor, Sibiu, 1940) [Cioran 1940a] – книга написана уже в Париже, как и две последние, оставшиеся в форме черновиков вплоть до их публикации в 1990-х. К этому корпусу примыкают еще два текста, написанных, однако, в стол и пролежавших в виде черновиков полвека – до того момента, как были опубликованы энтузиастами:

(6) «Из Франции» (Despre Franta, 1941) [Cioran 1991a];

(7) «Бревиарий побежденных [Букварь стратегий]» (Îndreptar răzîmat, 1944) [Cioran 1991b].

К румынским текстам Чёрана также относятся его статьи 1932–1940 гг. (в 1990 г. в Румынии вышел их (неполный, 38 статей) сборник «Откровения боли» [Cioran 1990]) и письма Чёрана (в Румынии издан их сборник «Письма тем, кто дома», 637 писем [Cioran 2004]).

³ В самой этимологии французского слова «temps» («время») заключена некоторая двоякость и несообразность: корень temp означает «резать», то есть «термин всегда указывает на идею отделения элемента или индивида от целого». Второй корень – «tend» – обозначает действие натягивания, растяже-

ния. Таким образом, «понятие времени включает одновременно идею разбиения на мгновения (первый корень) и перехода от одного мгновения к другому (второй корень)» [Ribon: 31]).

⁴ Недаром румынские издатели назвали сборник ранних румынских статей (38 статей за 1932–1940 гг.) юного Чёрана «Откровения боли» [Cioran 1990].

⁵ В одном из своих многочисленных интервью Чёран говорит (интервьюеру Лео Жиле): «Понимаете, я написал одну-две книги на румынском сразу, с первого раза! Я даже не перечитывал их, это был первый вариант! Они, естественно, плохо написаны. У меня не было такого рода комплекса. Но когда я увидел Паскаля, всех этих французских писателей, одержимых языком, я приложил значительные усилия. Например, «О разложении основ» я написал очень быстро. Это был совершенно первоначальный вариант. И я переписал его четыре раза. Полностью! Убрал многое. Конечно, книга потеряла некую спонтанность. Но это придало ей некую основательность. И позволило по возможности избавиться от метекства (от *метек* – искаженное *метис*; Чёран употреблял в смысле собственного иностранного происхождения по отношению к французам). Но вы правы, ставя вопрос: если во всём сомневаешься, зачем пытаться хорошо формулировать? Но тогда зачем вообще писать? Это верно. Это неизбежные противоречия» [Cioran 1995: 73]. Это же подтверждает Н. Кавайес, который изучал черновики рукописи «О разложении основ» (фр. «Précis de décomposition», 1949 [Cioran 1949]) в рамках своей диссертационной работы «Самоубийство, распад, разложение: генезис и диалогизм “О разложении основ” Чёрана»; он насчитывает четыре засвидетельствованных переписывания рукописи, которые хранятся в Литературной библиотеке Жака Дусе в Париже) [Cavaillès].

⁶ Не-произведение (фр. non-œuvre) – не просто отрицание творчества, а форма новой этики и эстетики письма.

⁷ Конверсия – в психологии защитный механизм психики, проявляющийся в тенденции переживать соматический дистресс в ответ на психологический стресс. Дистресс – состояние страдания, при котором человек не может полностью адаптироваться к стрессовым факторам и вызванному ими стрессу и демонстрирует дезадаптивное поведение.

Список литературы

Источники (в хронологическом порядке)

Румынские тексты

Cioran E. Din istoria Germaniei [Из истории Германии]. Vremea, 19 Noiembrie, 1933. (На рум. яз.)

Cioran E. Pe culmile disperării [На вершинах отчаяния]. Bucureşti, Fundația pentru Literatură și Artă «Regele Carol II», 1934a, 166 p. (На рум. яз.)

Cioran E. Impresii din Munchen. Hitler în mintea germană [Впечатления из Мюнхена. Гитлер в немецком сознании]. *Vremea*, an VII, nr. 346, 15 iulie, 1934b. (На рум. яз.)

Cioran E. Cartea amăgirilor [Книга иллюзий]. București, Editura *Vremea*, 1936a, 190 p. (На рум. яз.)

Cioran E. Schimbarea la față a României [Преображение Румынии]. București, Editura *Vremea*, 1936b. (На рум. яз.)

Cioran E. Lacrimi și sfinți [Слезы и святые]. București, Editura autorului, 1937, 250 p. (На рум. яз.)

Cioran E. Amurgul gândurilor [Сумерки мыслей]. Sibiu, Dacia Traiană, 1940a, 282 p. (На рум. яз.)

Cioran E. Profilul interior al căpitanului [Внутренний профиль Капитана]. *Glaspul strămoșesc*, Sibiu, anul. VI, nr. 10, din 25 decembrie, 1940b. (На рум. яз.)

Cioran E. Revelațiile durerii [Откровения боли: сб. ст., 1932–1940 гг.]. Cluj, Editura *Echinox*, 1990, 202 p. (На рум. яз.)

Cioran E. Nae Ionescu și drama lucidității [Нае Ионеску и драма ясности]. *Revelațiile durerii: eseuri*. Cluj-Napoca, *Echinox*, 1991, pp. 164–168. (На рум. яз.)

Cioran E. Despre Franta [Из Франции, 1941]. București: *Humanitas*, 1991a, 108 p. (На рум. яз.)

Cioran E. Îndreptar pătimăș [Страстный наставник, 1944; на фр.: Бrevиарий побежденных]. București, *Humanitas*, 1991b, 126 p. (На рум. яз.)

Cioran E. Scrisori către cei de-acasă [Письма тем, кто дома]. *Stabilirea și transcrierea textelor: Gabriel Liiceanu, Theodor Enescu; trad. Din fr.: Tania Radu; ed., note și indici: Dan C. Mihăilescu*. București, *Humanitas*, 2004, 376 p. (На рум. яз.)

Французские тексты

Cioran E.M. Précis de decomposition. Paris, Gallimard, 1949, 178 p. (На фр. яз.)

Cioran. Entretiens. Paris, Gallimard, 1995, 319 p. (На фр. яз.)

Cioran. Cahiers, 1957–1972. Paris, Gallimard, 1997, 998 p. (На фр. яз.)

Русские переводы

Сиоран Э.М. История и утопия // Сиоран. Искусение существованием / пер. с фр., предисл. В.А. Никитина; ред., примеч. И.С. Вдовиной. Москва: Республика: Палимпсест, 2003а. С. 272–338.

Сиоран Э.М. Падение во время // Сиоран. Искусение существованием. Москва: Республика: Палимпсест, 2003b. С. 340–410.

Сиоран Э.М. Горькие силлогизмы // Горькие силлогизмы. Москва: Алгоритм: Эксмо, 2008а. С. 26–145.

Сиоран Э.М. О злополучии появления на свет (фрагменты из произведения) // Горькие силлогизмы. Москва: Алгоритм: Эксмо, 2008b. С. 146–366.

Чёран Э. Внутренний профиль капитана // Преображение Румынии / пер. с рум. и фр. Р.С. Гранин. Москва: Тотенбург, 2024а. С. 345–349.

Чёран Э. Впечатление от Мюнхена. Гитлер в немецком сознании // Преображение Румынии / пер. с рум. и фр. Р.С. Гранин. Москва: Тотенбург, 2024b. С. 334–338.

Чёран Э. Из истории Германии // Преображение Румынии / пер. с рум. и фр. Р.С. Гранин. Москва: Тотенбург, 2024с. С. 332–333.

Чёран Э. Нае Ионеску и драма ясности // Преображение Румынии / пер. с рум. и фр. Р.С. Гранин. Москва: Тотенбург, 2024d. С. 339–344.

Чёран Э. Преображение Румынии / пер. с рум. и фр. Р.С. Гранин. Москва: Тотенбург, 2024е. 352 с.

Чёран Э. Из Франции / пер. с рум. и фр. Р.С. Гранин. Москва: Тотенбург, 2025а. 102 с.

Чёран Э. На вершинах отчаяния / пер. с рум. Р.С. Гранин. Москва: Тотенбург, 2025b. 176 с.

Чёран Э. Чёрный дневник (1957–1972): в 4 т. Т. 1. (1957–1964) / пер. с фр. Р.С. Гранин. Москва: Тотенбург, 2025с. 382 с.

Чёран Э. Чёрный дневник (1957–1972): в 4 т. Т. 2. (1965–1967) / пер. с фр. Р.С. Гранин. Москва: Тотенбург, 2025d. 438 с.

Исследования

Диссертационные исследования (в хронологическом порядке)

Guth R. Die Philosophie der einmaligen Augenblicke: Überlegungen zu E.M. Cioran [Философия уникальных моментов: размышления об Э.М. Чёране]. Würzburg, Königshausen und Neumann, 1987, 261 s. (На нем. яз.)

Roupin R. Cioran, entre job et le catharisme: les pouvoirs depositaires de l'universel et la priere non-conscue [Чёран, между Иовом и катарсисом: спасительная сила универсальной и непостижимой молитвы]. Montpellier 3, 1994, 212 p. (На фр. яз.)

Ibáñez S.J.L. La filosofía pesimista en la obra de Emil M. Cioran [Пессимистическая философия в творчестве Эмиля М. Чёрана]. Madrid, Universidad Complutense de Madrid, 1997, 231 p. (На исп. яз.)

Modreanu S. Cioran ou l'ironie comme strategie du refus... De Dieu [Чёран или ирония как стратегия отказа... от Бога]. Lille, PU du Septentrion, 1997, 599 p. (На фр. яз.)

Bădărău D. Emil Cioran: o hermeneutică a disperării [Эмиль Чёран: герменевтика отчаяния]: teză de doctorat în filosofie. Iași, Universitatea «Alexandru Ioan Cuza», 2004, 280 p. (На рум. яз.)

Grigoriu C. Métaphysique de la finitude et intertextualité dans la littérature française après 1945: Cioran, Beckett, Tournier [Метафизика конечности и интертекстуальности во французской литературе после 1945 года: Чёран, Беккет, Турнье]. Vancouver, University of British Columbia, 2005, 246 p. (На фр. яз.)

Bădiliță C. Ontologia negativității la Emil Cioran [Онтология негативности у Эмиля Чёрана]: teză de doctorat în filosofie. București, Universitatea din București, 2006, 320 p. (На рум. яз.)

Cavaillès N. Suicide, Décomposition, Corruption: genèse et dialogisme du Précis de Décomposition de Cioran [Самоубийство, распад, разложение: генезис и диалогизм: «О разложении основ» Чёрана]. Lyon 3, 2007, 593 p. (На фр. яз.)

Demars A. Le pessimisme jubilatoire de Cioran: enquête sur un paradigme métaphysique négatif [Ликующий пессимизм Чёрана: исследование негативной метафизической парадигмы]. Lyon 3, 2007, 582 p. (На фр. яз.)

Chatelet L. Cioran, un penseur privé en mal d'écriture. Lyon, Université Jean Moulin (Lyon 3), 2020, 461 p. (На фр. яз.?)

Другие исследования

Гранин Р.С. Поэтика Эмиля Чёрана. Т. 1. Деконструкция [автора]. Москва: Тотенбург, 2025. 296 с.

Гранин Р.С. Эмиль Чёран. Приближение к ускользающему философу. Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2024. 126 с.

Bachelard G. La dialectique de la durée. Paris, Presses Universitaires de France, Deuxième tirage de la nouvelle édition, 1963, 151 p.

Domenach J-M. Le Retour du tragique. Paris, Éditions du Seuil, 1973, p. 296.

Ivry B. Cioran intime. URL: <https://bibliobs.nouvelobs.com/documents/20120423.OBS6884/cioran-intime.html> (дата обращения: 08.09.2025).

Garrigues P. Poétique du fragment. Paris, Klincksieck, 1995, 508 p.

Hacen A. Le Gai désespoir de Cioran, Zaghuan, ed. Miskiliani, 2007, 181 p.

Jankélévitch V. Le Sérieux de l'intention. Traité des vertus I. Paris, Flammarion, 2011, 288 p.

Liiceanu G. Itinéraires d'une vie E.M. Cioran. Suivi de Les Continents de l'insomnie – entretien avec E.M. Cioran, ed. Michalon. Paris, 1995, 143 p.

Mihăilescu D.C. Prefață. Cioran E. Revelațiile durerii. Cluj, Editura Echinox, 1990, pp. 5–29.

Paruit A. La métamorphose. Cioran. De la France. Paris, Gallimard, 2009, pp. 4–6.

Petru C. Notă asupra ediției. Cioran E. Îndreptar pătimăș. București, Humanitas, 1991, pp. 5–6.

Puica G., Piednoir V. Préface. Cioran E.M. Bréviaire des vaincus II. Paris, Éditions de L'Herne, 2011, pp. 4–6.

Rădulescu M.S. Despre genealogia lui Emil Cioran. Genealogii. București, Vremea, 2018, pp. 129–134.

Ribon M. A la recherche du temps vertical dans l'art, essai d'esthétique. Paris, Kimé, 2003, 316 p.

Rosset C. La Philosophie tragique. Paris, Presses Universitaires de France, 2014, 196 p.

Starobinski J. L'Encre de la mélancolie. Paris, Seuil, 2012, 672 p.

Susini-Anastopoulos F. L'Écriture fragmentaire. Définitions et enjeux. Paris, Presses Universitaires de France, 1997, 275 p.

Trabelsi M. Éclats d'existence. Essai sur la pensée fragmentaire de Cioran. Paris, L'Harmattan, 2010, 266 p.

References

Sioran E.M. *Istoriya i utopiya* [History and Utopia]. *Sioran. Iskushenie sushchestvovaniem* [The Temptation of Existence]. Moscow, Respublika, Palimpsest Publ., 2003a, pp. 272–338. (In Russ.)

Sioran E.M. *Padenie vo vremya* [Fall during]. *Sioran. Iskushenie sushchestvovaniem* [The Temptation of Existence]. Moscow, Respublika, Palimpsest Publ., 2003b, pp. 340–410. (In Russ.)

Sioran E.M. *Gorkie sillogizmy* [Bitter syllogisms]. *Gorkie sillogizmy* [Bitter syllogisms]. Moscow, Algoritm, Eksmo Publ., 2008a, pp. 26–145. (In Russ.)

Sioran E.M. *Ozlopoluchii poyavleniya na svet* [About of unfortunate of birth]. *Gorkie sillogizmy* [Bitter syllogisms]. Moscow, Algoritm, Eksmo Publ., 2008b, pp. 146–366. (In Russ.)

Chyoran E. *Vnutrennij profil' kapitana* [Captain's Internal Profile]. *Preobrazhenie Rumynii* [The Transfiguration of Romania]. Moscow, Totenburg Publ., 2004a, pp. 345–349. (In Russ.)

Chyoran E. *Vpechatlenie ot Myunhena. Gitler v nemeckom soznanii* [Impressions of Munich. Hitler in the German Mind]. *Preobrazhenie Rumynii* [The Transfiguration of Romania]. Moscow, Totenburg Publ., 2024b, pp. 334–338. (In Russ.)

Chyoran E. *Iz istorii Germanii* [From the History of Germany]. *Preobrazhenie Rumynii* [The Transfiguration of Romania]. Moscow, Totenburg Publ., 2024c, pp. 332–333. (In Russ.)

Chyoran E. *Nae Ionescu i drama yasnosti* [Nae Ionescu and the Drama of Clarity]. *Preobrazhenie Rumynii* [The Transfiguration of Romania]. Moscow, Totenburg Publ., 2024d, pp. 339–344. (In Russ.)

Chyoran E. *Preobrazhenie Rumynii* [Transfiguration of Romania]. Moscow, Totenburg Publ., 2024e, 352 p. (In Russ.)

Chyoran E. *Iz Francii* [From France]. Moscow, Totenburg Publ., 2025a, 102 p. (In Russ.)

Chyoran E. *Na vershinah otchayaniya* [On the Heights of Despair]. Moscow, Totenburg Publ., 2025b, 176 p. (In Russ.)

Chyoran E. *Chyornyy dnevnik (1957–1972). T. 1* [Black Diary (1957–1972). Vol. 1]. Moscow, Totenburg Publ., 2025c, 382 p. (In Russ.)

Chyoran E. *Chyornyy dnevnik (1957–1972). T. 2* [Black Diary (1957–1972). Vol. 2]. Moscow, Totenburg Publ., 2025d, 438 p. (In Russ.)

- Granin R.S. *Poetika Emilya Chyorana* [The poetics of Emil Cioran]. Vol. 1. *Dekonstruksiya [avtora]* [Deconstruction [of the author]]. Moscow, Totenburg Publ., 2025, 296 p. (In Russ.)
- Granin R.S. *Emil Chyoran. Priblizhenie k uskol'zayushchemu filosofu* [Emil Cioran: Approaching the Elusive Philosopher]. Moscow, St. Peterburg, Centr gumanitarnykh iniciativ Publ., 2024, 126 p. (In Russ.)
- Bachelard G. *La dialectique de la durée*. Paris, Presses Universitaires de France, Deuxième tirage de la nouvelle édition, 1963, 151 p.
- Domenach J-M. *Le Retour du tragique*. Paris, Éditions du Seuil, 1973, p. 296.
- Ivry B. *Cioran intime*. URL: <https://bibliobs.nouvelobs.com/documents/20120423.OBS6884/cioran-intime.html> (дата обращения: 08.09.2025).
- Garrigues P. *Poétique du fragment*. Paris, Klincksieck, 1995, 508 p.
- Hacen A. *Le Gai désespoir de Cioran*, Zaghouan, ed. Miskiliani, 2007, 181 p.
- Jankélévitch V. *Le Sérieux de l'intention. Traité des vertus I*. Paris, Flammarion, 2011, 288 p.
- Liiceanu G. *Itinéraires d'une vie E.M. Cioran. Suivi de Les Continents de l'insomnie – entretien avec E.M. Cioran*, ed. Michalon. Paris, 1995, 143 p.
- Mihăilescu D.C. *Prefață. Cioran E. Revelațiile durerii*. Cluj, Editura Echinox, 1990, pp. 5–29.
- Paruit A. *La metamorphose. Cioran. De la France*. Paris, Gallimard, 2009, pp. 4–6.
- Petru C. *Notă asupra ediției. Cioran E. Îndreptar pătimăș*. București, Humanitas, 1991, pp. 5–6.
- Puica G., Piednoir V. *Préface. Cioran E.M. Bréviaire des vaincus II*. Paris, Éditions de L'Herne, 2011, pp. 4–6.
- Rădulescu M.S. *Despre genealogia lui Emil Cioran. Genealogii*. Bucuresti, Vremea, 2018, pp. 129–134.
- Ribon M. *A la recherche du temps vertical dans l'art, essai d'esthétique*. Paris, Kimé, 2003, 316 p.
- Rosset C. *La Philosophie tragique*. Paris, Presses Universitaires de France, 2014, 196 p.
- Starobinski J. *L'Encre de la mélancolie*. Paris, Seuil, 2012, 672 p.
- Susini-Anastopoulos F. *L'Écriture fragmentaire. Définitions et enjeux*. Paris, Presses Universitaires de France, 1997, 275 p.
- Trabelsi M. *Éclats d'existence. Essai sur la pensée fragmentaire de Cioran*. Paris, L'Harmattan, 2010, 266 p.
- Статья поступила в редакцию 10.11.2025; одобрена после рецензирования 25.11.2025; принята к публикации 12.01.2026.*
- The article was submitted 10.11.2025; approved after reviewing 25.11.2025; accepted for publication 12.01.2026.*